

Ахеменидское поселение Дара Ятах в Гараджемирли

Емил Искендеров

Институт Археологии, Этнографии и Антропологии

Мартин Грубер

Ближневосточная археология

Университет Юлиуса-Максимилиана Вюрцбург

martin.gruber@uni-wuerzburg.de

Ключевые слова: Азербайджан, Ахемениды, Железный век, Гараджемирли, Дара Ятах

1. Введение

Памятник Дара Ятах был обнаружен во время раскопок большого административного комплекса Ахеменидов, датирующегося 5 веком до н.э., вблизи селения Гараджемирли. Центр комплекса состоял из большого дворцового сырцово-кирпичного здания на Гурбан Тепе, окруженного по периметру прямоугольной стеной с пропилоном с восточной стороны (Идеал Тепе) и вторым входом с запада (Западные ворота). Другие административные здания располагались за пределами ограждающей стены на Ризвантепе, Ильястепе и в пространстве так называемого северного комплекса (Babaev et al. 2006; Babayev et al. 2008; 2012; 2015; 2017; Искендеров et al. 2019).

Дара Ятах представляет собой плоский участок, расположенный среди сельскохозяйственных полей примерно в 1 км к северо-востоку от Гурбан Тепе. Археологическая важность Дара Ятах была признана уже во время первой совместной азербайджано-германской экспедиции под руководством И. Бабаева и Ф.С. Кнаусса в Гараджемирли в 2006 г. на основании повышенной концентрации керамики в этом районе, а также вследствие обнаружения на поверхности фрагментов двух известковых колон. Основания обеих колонн имели профиль типа *сума-ректа* без каких-либо дополнительных скульптурных украшений и были отнесены к

ахеменидскому периоду (Babaev et al. 2006: 295. 310–313 Рис. 28; Knauß 2007: 6. 30; Knauß et al. 2010: 116 Рис. 7).

Обнаруженные остатки ахеменидского здания при раскопках в Гумбати (Кахетия) в середине 1990 годов, а также ближайшее поселение Наомари-Гора с архитектурой позднего бронзового и раннего железного века и ахеменидской архитектурой (Furtwängler 1996: 177), позволяют предположить, что поселение в Дара Ятах относится к периоду до и во время присутствия Ахеменидов в Гараджемирли (Babaev/Knauß 2016: 167). В 2010 г. район Дара Ятах был исследован двумя пробными траншеями (Кнауус и др. 2013: 21-22; Бабаев/Кнауус 2016: 167–169). Особое значение имело большое количество изделий красноватого цвета, которые могут с высокой вероятностью быть связаны с появлением Ахеменидов на Кавказе в середине I тыс. до н.э. (Ludwig 2010: 90–92), а также обнаружение окаймленных мисок с широким венчиком (фиалы), типичных для ахеменидского периода (Babaev/Knauß 2016: 176–178 Рис. 43). В отличие от керамики из ахеменидских построек, доля темно-коричневой или серой керамики, характерной для эпохи позднего бронзового/раннего железного века, сравнительно высока даже в Дара Ятах (Babaev/Knauß 2016: 176). Это указывает на то, что несмотря на близость к административному комплексу Ахеменидов, местные гончарные традиции и технологии производства не были полностью вытеснены и продолжали сосуществовать с новой ахеменидской керамикой.

2. Раскопки 2018 года

В 2018 году азербайджано-немецкая команда под руководством Эмиля Искендерова, Кая Каниута и полевым руководством Мартина Грубера провела новые раскопки в Дара Ятах. Основной целью раскопок являлось дальнейшее исследование хронологических связей коллекции керамики, а также уточнение структуры и датировки поселения. Кроме того, раскопки должны были предоставить дополнительный хорошо стратифицированный справочный материал для анализа керамики, собранной во время полевых исследований в период с 2013 по 2017 год в Гараджемирли. Изначально планировалось локализовать и расширить ареал пробных раскопок 2010 года, однако их точное местонахождение на сельскохозяйственных полях больше не могло быть определено. В связи с этим для раскопок были выбраны два новых участка

(Рис. 1): Западный Дара Ятах располагался к северо-востоку недалеко от слияния двух водных каналов – примерно в районе работ 2010 года. Второй участок, восточный Дара Ятах, находился на 60 м восточнее.

2.1 Западный Дара Ятах

Раскопки в западном Дара Ятах проводились на участке площадью 144 м² (Рис. 2). Поверхностный слой был нарушен вспашкой вплоть до глубины 30–40 см. Хотя в нижележащих отложениях были обнаружены некоторые археологические находки, целостная картина ареала стала ясна лишь на глубине около 60–80 см (что соответствует абсолютной высоте около 166,00 м). На этом уровне стали видны очертания впадин различных размеров и формы, отчетливо выделяющиеся на фоне однородной желтовато-бурой глины верхнего слоя почвы, в которой они были вырыты. Исходная поверхность, которой принадлежали ямы, не сохранилась. Так, в центральной части раскопа наименьшую возможную высоту исходной поверхности дает захоронение KG-128, которое было сделано либо непосредственно перед, либо во время поселения. Остатки погребальной камеры и затвора из глиняного кирпича сохранились до высоты 166,25 м. Керамические залежи KG-113 и KG-114 (см. ниже) также указывают на высоту уровня исходной поверхности не менее 166,65 м, что соответствует уровню современного поверхностного слоя и выше. Об этом также свидетельствует большое количество черепков, обнаруженных в нарушенных поверхностных слоях (49,7% по количеству и 49,0% по весу от общего количества керамики из западного Дара Ятах). До выравнивания и сельскохозяйственного использования топография поверхности участка, скорее всего, была более холмистой, по аналогии с неводеланной пересеченной местностью за пределами современных границ сельскохозяйственных угодий.

2.1.1. Захоронение (KG-128) и два места скопления керамики

Самыми древними археологическими объектами, обнаруженными на сегодняшний день в западном Дара Ятах, являются захоронение KG-128 в северо-восточном квадранте квадрата 5700/8600 и два места скопления керамики в южном квадранте (Рис. 3).

Погребение производилось через вертикальную шахту, выходящую с юго-западной стороны в погребальную камеру. Вход погребаль-

ной камеры был закрыт сырцовыми кирпичами. Шахта имела овальную форму размером около 1,0×1,7 м, при этом её восточная сторона несет на себе следы более поздних захоронений. В юго-восточной части шахты, непосредственно у затвора из сырцового кирпича, был обнаружен небольшой шаровидный сосуд бежевого цвета (0591-16, Рис. 4,3).

Глиняный затвор погребальной камеры имел толщину около 40 см и длину не менее 1,35 м. Его северо-западный край пересекался с погребом KG-129, в котором были найдены черепки ахеменидской керамики (см. ниже).

Погребальная камера имела размеры около 1,40 м в направлении с северо-запада на юго-восток и около 40–50 см в направлении с юго-запада на северо-восток. Самый восточный край был частично разрушен более поздним захоронением, содержащим большое количество костей животных (KG-087). Дно погребальной камеры находилось примерно на 20–30 см ниже дна шахты. Первоначальная высота камеры не сохранилась, однако с учетом сохранившейся высоты глинобитного затвора она должна была быть не менее 55 см. В камере находился один человек неизвестного пола и возраста (0611). Умерший лежал на правом боку головой на юго-восток и лицом на север. Его руки были расположены перед лицом. Анатомический порядок расположения длинных костей нижних конечностей, особенно больших и малых берцовых костей, был нарушен. За отсутствием следов повреждений, их положение, скорее всего, явилось следствием тафономической дислокацией. Учитывая размеры камеры, не допускавшие прямого или полусогнутого бокового положения ног на полу, представляется возможным, что колени умершего были прислонены к северо-восточной боковой стене погребальной камеры и кости обвалились после разложения тела.

Слева на погребенном была серебряная серьга с накладкой-набалдашником на одной стороне (0615, Рис. 4, 4) и простая проволочная серьга справа (0614, Рис. 4, 5). Рядом с головой находились два керамических сосуда. Кувшин 0610-01 бежевого до слегка красноватого цвета был прислонен к черепу. Он имел плоское дно, круглое тулово и высокое, слегка коническое горло (Рис. 4, 2). Круглая в сечении ручка спускалась от края к плечу кувшина. Проём кувшина был закрыт костью животного. Второй сосуд, кувшин со сливами 0506-02, располагался севернее первого сосуда (Рис. 3). Он был сделан из красноватой кера-

мики с чернѐной поверхностью и имел более широкое и плоское основание и более угловатый профиль, чем первый кувшин (Рис. 4, 1).

Помимо конструкции гробницы с отдельной погребальной шахтой, являющейся необычной для того времени, обнаруженная керамика указывает на датировку около середины I тысячелетия до н.э. Формы сосудов хорошо согласуются с образцами, найденными в гробницах V в. до н.э. в Грузии, а точнее в могилах конца V века до н.э. Это период, связанный с появлением Ахеменидов на Кавказе (Ludwig 2010: 86–92) и соответствующий первой группе, которую Г. Нариманишвили определил для Картли и которую он датировал V в. и первой половиной IV в. до н.э. (Нариманишвили 1991; Narimanischwili 2001; см. также Bill 2003: 118–119). Только кувшин (Рис. 4, 2) показывает возможную связь с определенной Нариманишвили второй группой, датируемой второй половиной 4 века до н.э. и началом 3 века до н.э.. Однако с учетом стратиграфически установленной более ранней датировки ахеменидского хранилища KG-129, более вероятной является датировка в пределах первой группы. Промежуток времени между появлением захоронения и ямы-хранилища был судя по всему довольно коротким, так как обе находки датируются серединой I тыс. до н.э.. Следовательно, захоронение могло быть сооружено незадолго до либо на начальном периоде основания Дара Ятах как поселения.

Найденный в KG-113 керамический набор состоял из двух кувшинов и миски на ножке. Кувшин светло-бежевого цвета имел широкое основание, шаровидное тулово с максимальным охватом в нижней половине и высоким горлом. Венец и плечо соединялись рукоятью. Второй кувшин, изготовленный из грубой красноватой глины, был значительно меньше. Цвет его поверхности варьировался от темно-коричневого до красного, что указывает на неравномерную атмосферу обжига. Миска на ножке изготовлена из того же материала, что и большой кувшин.

Находка KG-114 содержала два сильно поврежденных сосуда, которые были полностью восстановлены в процессе реставрации. Кувшин с ручкой имел небольшую ножку, грушевидное тулово и слабо выраженный венец. Соседствующий с ним сосуд имел маленькое дно и изогнутый профиль.

Как и керамика из гробницы KG-128 (см. выше), все четыре сосуда имеют морфологическую связь с керамикой середины I тыс. до н.э. в Картли, особенно с первой хронологической группой, определенной Г.

Нариманишвили. Из этой подборки выбивается только миска на ножке, поскольку этот тип сосуда более характерен для последних двух веков I тыс. до н.э. и I века н.э. (Нариманишвили 1991: 100. 102, см. примеры XI-1-2-1 или XIII-1-1). Тем не менее некоторые образцы были обнаружены и в ахеменидских постройках в Ризвантепе и при более ранних раскопках в Дара Ятах (см. примечание 11), из которых следует возможное ранее появление этого типа уже в середине первого тысячелетия до н.э.

Хотя керамические сосуды были найдены стратиграфически изолированными, их общий характер, сохранность и расположение предполагают преднамеренную диспозицию в яме. Учитывая близость к захоронению KG-128 и типологическое родство с его керамикой, они, скорее всего, были депонированы в близкое время и в сходном погребальном контексте, хотя следов могильных ям и костей не сохранилось. О том, что эти сосуды использовались в качестве места захоронения, также свидетельствует малая глубина их обнаружения под сегодняшней поверхностью – аналогично захоронению KG-128.

2.1.2. Землянка (KG-085)

Остатки поселения западного Дара Ятах в основном характеризуются разнотипными ямами, распространенными по всей площади раскопа. Единственной находкой, которую можно уверенно идентифицировать как остатки землянки, была прямоугольная яма (KG-085) в северо-восточном квадранте квадрата 5700/8610 (Рис. 2). Её размеры составляли 2,7 м с северо-запада на юго-восток и не менее 3 м с юго-запада на северо-восток, уходя за восточную и северную границы раскопа. Дно ямы было ровным, а боковые стены сохранились до высоты около 30–40 см, хотя изначально верхний край ямы очевидно был выше. Яма была заполнена серо-тёмно-коричневым грунтом с большим количеством частиц угля и небольшим количеством костей животных. В западном углу ямы найден фрагмент известнякового пряслица и незаконченное изделие из известняка с глубокими надрезами.

Черепки были распространены по всей засыпке, за исключением разбитого сосуда для маслобойки, обнаруженной *in situ* в северной части ямы. Сосуд был изготовлен из серой глины и украшен резьбой в виде

волнистых линий на плече, обрамленными несколькими горизонтальными линиями и двумя рядами диагональных насечек (Рис. 5, 1).

По своему декору и исполнению из серой глины сосуд для маслобойки больше соответствует традициям гончарного дела позднего бронзового и раннего железного века, а точнее первой половины I тысячелетия до н.э. То же относится и к небольшой миске из серого материала (Рис. 5, 17), найденной в материале, наполнявшем землянку. Однако у большей части найденной в землянке керамики прослеживается четкая связь с Квемо-Кеди и Гумбати в Кахетии, что соответствует середине и третьей четверти I тысячелетия до н.э.

Особого внимания заслуживают фрагменты фиалов (Ludwig 2010: 56, особенно тип S8), украшенных полированным красным шликером (Рис. 5, 15) и волнистой резьбой (Рис. 5, 14). Этот тип орнамента часто встречается в Квемо-Кеди, Гумбати и в ахеменидских слоях самого Гараджемирли (Babaev et al. 2006: 316 Рис. 32, 5. 33, 1–3), а также в ахеменидском слое Сари Тепе (Нариманов 1960, с. 164 Рис. 3) и в погребении Мингячевира (Ахмедов 1954, с. 510 Рис. 7).

Фрагмент кувшина-трилистника с вырезанным орнаментом вокруг плеча (Рис. 5, 2) и украшение венца пифоса (Рис. 5, 11) резными волнистыми линиями, типичными для второй половины I тыс. до н.э. до н.э. (Ludwig 2010: 61), что подтверждают предложенную датировку.

Наконец, высокая доля красноватой, бежевой или светло-коричневой керамики (далее «красная керамика») среди находок (81,4%) по сравнению с керамикой серого цвета (18,6%) также указывает на то, что землянку использовали во время присутствия Ахеменидов в Гараджемирли. Некоторые раскрашенные черепки в наполнении (Рис. 5, 13 и 6, 1–3) также свидетельствуют о том, что землянка не перестала существовать с прекращением ахеменидского поселения в Гараджемирли, а продолжал использоваться и в постахеменидский период. Для этого относительно короткого периода в Гараджемирли особенно характерны два типа расписной керамики: во-первых, черепки с оранжево-бежевых до красновато-коричневых оттенков со светло-оранжево-бежевыми или светло-серыми накладками, расписанные красновато-коричневыми линиями, штриховкой или спиралями. Во-вторых, черепки с красноватой каймой и тонкими белыми линиями, нарисованными непосредственно на поверхности. Оба типа керамики относятся к одному верременному периоду и датируются концом 4-го и началом 3-го веков до н.э., по ана-

логии с керамикой из культурно родственных регионов восточной Грузии (Babaev et al. 2006: 316–318 Рис. 34–36; Knauß et al. 2013: 24–25). Последний тип орнамента уже был известен по черепку, найденному в Канли Тепе, стоянке примерно в 5,5 км к северо-западу от Дара Ятах, недалеко от главной дороги вдоль южной стороны Еникендского водохранилища (Abbasova 2003: Pl. 55, 4), что позволяет предположить наличие других поселений этого периода в ближайших окрестностях.

Окрашенные в красный цвет черепки этого типа были обнаружены почти во всех поверхностных слоях, что позволяет предположить, что западный Дара Ятах был населен, по крайней мере частично, и после того как основные постройки Ахеменидов были заброшены.

2.1.3. Ямы для запасов (KG-106, KG-129 и KG-132)

В восточной половине квадрата 5700/8600 (Рис. 2) были обнаружены три глубокие ямы-хранилища грушевидной или бутылкообразной формы (KG-106, KG-129, KG-132). Ямы имели небольшое входное отверстие размером 65–80 см, которое с глубиной постепенно расширялось до диаметра 1,3–1,4 м (Рис. 7). В KG-106 дно находилось на высоте 164,00 м, что соответствует глубине примерно 1,95 м ниже верхнего края ямы. Раскопки KG-132 были прекращены на глубине 164,50–164,55 м (глубина около 1,80 м), а в KG-129 – на глубине 164,40–164,45 м (глубина около 1,85 м), не доходя до дна ям.

Ямы аналогичной формы были обнаружены в Квемо-Кеди и датированы 5 — началом 4 вв. до н.э. (Furtwängler/Ludwig 2004: 179; Ludwig 2010: 24–26. 49). Хотя первоначально предполагалось, что эти ямы использовались при обработке металлов (Pizchelauri/Mamaiashvili 2004: 152 Abb. 7), их форма больше соответствует ямам для хранения запасов (Furtwängler/Ludwig 2004: 172. 178 Рис. 4). Ямы в Дара Ятах также, по-видимому, были предназначены в первую очередь для хранения запасов. Их конструкция в форме бутылки с большим диаметром основания и узким горлышком идеально подходит для хранения большого количества товаров (например, зерна) под землей, при этом входное отверстие можно легко закрыть. Стены ям не подвергались специальной обработке, штукатурке или другим защитным мерам. После того, как ямы для хранения перестали использоваться по назначению, они, по-видимому, были заполнены мусором и глиной. Нижняя часть засыпки содержала

основную часть фрагментов керамики, костей и других находок с существенной долей древесного угля, золы и остатков сожженного материала, выброшенного при чистке костров и очагов. Эти остатки регулярно перемежались глинистыми отложениями, в результате чего образовались чередующиеся черные и коричневые слои разной толщины.

Две пробы древесного угля, взятые из более глубоких слоев KG-106, и один из KG-129 были исследованы методом радиоуглеродного датирования в Curt-Engelhorn-Zentrum für Archäometrie GmbH в Мангейме (MAMS). Все откалиброванные данные попадают во временные рамки так называемого плато Гальштата (около 800–400 кал. до н.э.), что затрудняет более точную датировку (MAMS-39419 (KG-106-0701): 2426 ± 22 ; MAMS-39420 (KG-106-0697): 2438 ± 23 ; MAMS-39421 (KG-129-0686): 2454 ± 22). Тем не менее, результаты радиоуглеродного анализа позволяют исключить датировку ранее первой четверти 1 тысячелетия до н.э. и позже 400 г. до н.э. и, следовательно, не противоречат датировке 5 веком до н.э., произведенной по материалу керамики (см. ниже).

Подборка керамического материала, извлеченного из заполнения трех ям, показана на Рис. 8, Рис. 9 и Рис. 10. Находки состояли в основном из фрагментов мисок, кувшинов, небольших горшков и нескольких пифоев. Целых сосудов обнаружено не было. Высокая доля (около 60%) красной керамики во всех трех ямах ($n = 239$) по сравнению с черепками серой керамики (около 25%) указывает на самое раннее датирование 5 веком до н.э., когда Гараджемирли находился под влиянием Ахеменидов (Ludwig 2010: 90–92; Knauf et. al. 2013: 23). Особенно показательны в этом отношении многочисленные фрагменты фиал в яме KG-106, подтверждающие предложенную датировку. Большинство из них имели хорошо отполированную поверхность, с оранжево-красным или красновато-коричневым покрытием (Рис. 8, 11–18). Темно-красные или коричневые ангобы были обнаружены также на ряде хорошо полированных кувшинов с высоким расширяющимся горлом (Рис. 8, 4–6; Рис. 9, 14; Рис. 10, 1–2, 6). На основании наиболее сохранных экземпляров (Рис. 8, 4 и Рис. 10, 1–2) можно предположить, что все они имели одну ручку, соединяющую плечо и венец. Типологически они ближе всего к небольшой группе кувшинов, найденных в Гумбати, и датирующихся серединой и третьей четвертью 1 тыс. до н.э. (Furtwängler 1996: 197. 202 Рис. 15,1–2. 19. 20; Ludwig 2010: 60 № 54. 87 Табл. 122 Тип K15a–b). Кроме того, почти целый кувшин такой же формы, но без полированной по-

верхности, был найден в Ризван Тепе примерно в 1,3 км к югу от Дара Ятах (Babaev et al. 2006, с. 321, Рис. 37, 2), что показывает связь этого типа сосудов с присутствием Ахеменидов в Гараджемирли.

Миски имели конический или слегка изогнутый профиль с гладким краем (Рис. 8, 19–21; Рис. 9, 4–6, 12), и близки по форме к объектам из кахетских памятников середины и третьей четверти 1 тыс. до н.э. (Ludwig 2010: 56 тип S10b.2.4, S10c.3 и S10d.1). Поверхность многих мисок имела почти черное (Рис. 8, 9–20) или коричневое (Рис. 8, 21; Рис. 9, 5–6, 12) покрытие, у некоторых были ручки (Рис. 8, 8; Рис. 9, 17). Два фрагмента, которые вполне могли принадлежать одному и тому же сосуду (Рис. 10, 18–19), были украшены по краю красным покрытием. Также стоит подчеркнуть, что типичные для первой половины 1 тыс. до н.э. миски с гребнеобразным выступом в ямах обнаружены не были.

Горшки были менее распространены среди находок, хотя небольшие размеры найденных фрагментов часто препятствовали достоверному типологическому анализу. В целом их морфология сопоставима с находками из Квемо-Кеди и Гумбати, датируемыми между 8/7 век до н.э. и серединой 1 тыс. до н.э. (Ludwig 2010: 63 тип T1n и T1h). Сосуд на Рис. 9, 1 возможно следует традициям ранних форм, так как он морфологически связан с сосудами, найденными в Доме II на Зискарант-Гора (фаза E) и датируемыми последней третью 8-го и первой третью 7-го в. до н.э. (Furtwängler et al. 1998: 352–354).

Основание сосуда из ямы KG-132 (Рис. 10, 24) не имеет аналогов. Оно имело прямую коническую форму, а сохранившаяся часть профиля сосуда была почти вертикальной. Поверхность украшена круговым ребром с отпечатками пальцев и как минимум одним накладным набалдашником над этим ребром. Остатки вертикальных полированных линий указывают на наличие дальнейших украшений. Фрагмент почернел, вероятно, из-за вторичного воздействия огня.

В остальном полированные украшения изделий встречались редко. Следует отметить два примера: фрагмент с неравномерной штриховкой из полированных линий под краем ямы KG-129 (Рис. 9, 7) и осколки крупного сосуда в яме KG-106. Полированный декор последнего состоял из штриховки и радиальных полос, разделенных гребнем. Этот вид украшения и типы сосудов, на которые он обычно наносился, были наиболее распространены в первой половине 1 тысячелетия (Ludwig 2010: 63; Brodbeck-Jucker 2019: 53–56).

Врезанные волнистые линии были обнаружены на миске (Рис. 8, 20), дважды на одном из горшков (Рис. 8, 1) и на полированном кувшине (Рис. 10, 2). Здесь также можно провести параллель с сосудами из Гумбаты и Квемо-Кеди (см. ниже). Край пифоса на Рис. 18, 10 украшен прочерченными диагональными линиями, подобно образцу из Квемо-Кеди (Ludwig 2010: 141 № 271, табл. 23,4). Наиболее распространенным украшением являются края с выемками, которые встречаются на различных типах сосудов (Рис. 8, 1–2; Рис. 9, 8–11; Рис. 10, 8–9. 11. 13–14). Этого вид декора встречается особенно часто и может рассматриваться как локальная особенность керамики из Дара Ятах.

2.2. Восточный Дара Ятах

Для дальнейшего изучения характера поселения было сделано семь дополнительных раскопок на расстоянии около 60 м к востоку от основного участка раскопок (Рис. 1). Они располагались в квадратах 5770–5780/8590–8610 и занимали площадь 80 м² (Рис. 11). Поскольку местность имеет небольшой наклон к северо-востоку, современная поверхность восточного Дара Ятах расположена в среднем на 40 см ниже, чем поверхность западного Дара Ятах. Хотя и археологические находки залегали в среднем примерно на 20–30 см глубже, восточный Дара Ятах оказался существенно сильнее поврежден вспашкой, сельскохозяйственными работами и временным водоканалом.

Из-за вышеописанных относительно недавних повреждений, составить целостную картину этой части поселения оказалось невозможным. Немногочисленные археологические находки представляли собой небольшие круглые ямы (KG-167, KG-158; KG-160), наполненные сгоревшим материалом, и не содержащие сколь-либо существенного количества керамики или находок, на основании которых можно было бы провести датировку или определить их назначение. Было отмечено полное отсутствие черепков в большой яме KG-168, что, однако, позволяет интерпретировать ее как разграбленное захоронение. На это указывают найденные там остатки железного ножа и железного наконечника копья, найденные в поверхностных слоях непосредственно над ямой. Наконечник копья сильно изъеден ржавчиной и расколот, но его можно четко идентифицировать как копьё с втулкой и листовидным клинком. Этот

тип также засвидетельствован в скифском контексте раннего железного века (Bill 2003: 96, тип 1).

На южном краю плоской ямы или места для костра KG-136 в квадрате 5780/8600 была обнаружена большая седловидная зернотёрка, обломок еще одной, а также фрагмент венца пифоса. Седловидная зернотёрка свидетельствует о домашне-хозяйственной деятельности, но не позволяет прояснить пространственный контекст или возможную связь с ближайшей ямой или местом для костра. Еще два фрагмента зернотёрок (0677 и 0707) были обнаружены в северо-западном (0707) и юго-восточном (0677) квадрантах того же раскопа. Венец пифоса (Рис. 12, 1) был изготовлен из красноватой глины и украшен по краю резным орнаментом. Профиль и декор сравнимы с сосудами второй половины 1 тыс. до н.э. (Ludwig 2010: 61 тип P5a, табл. 231).

Особый интерес представляет большая цилиндрическая известняковая плита, найденная в центре северо-западного квадранта квадрата 5780/8600 (Рис. 11). Она лишь грубо вытесана и не несет следов украшений, однако состоит из того же типа камня, который использовался для основания колонн в зданиях Ахеменидов. Таким образом, эта каменная плита могла быть либо вторично использованным архитектурным элементом, взятым из окружающих зданий Ахеменидов, либо отходом их производственного процесса.

На этом же уровне, всего примерно в 15 см к югу от известняковой плиты, находилась полностью сохранившаяся фляга паломника (0703-01, Рис. 12, 4). В виду сохранности можно предположить, что сосуд был изначально помещен в яму, следов которой не сохранилось. Фляги паломников считаются свидетельством неместной гончарной традиции и связываются с появлением Ахеменидов на Кавказе в середине 1 тыс. до н.э. (Ludwig 2010: 58. 90).

В северо-восточном углу того же квадранта обнаружены многочисленные фрагменты пифоса. Бежевая керамика, венец и украшение резными ребрами, а также слабо вдавленный гребешковый орнамент сходны с фрагментами пифоса, найденными в яме KG-139/KG-156 (см. выше). Из-за близкого расположения к поверхности определить контекст находки пифоса не представлялось возможным; это относится и к двум другим целым сосудам, один из которых (0619-01, Рис. 12, 2) обнаружен непосредственно севернее ямы KG-158, а другой (0649-01, Рис. 12, 3) в квадрате 5780/8610.

2.2.1. Цилиндрическая печать

Особый интерес представляет цилиндрическая печать (0687), обнаруженная без стратиграфической связи в приповерхностном слое почвы KG-154 (605788,261 в.д.; 4528592,974 с.ш.; 166,149 м) в юго-восточном квадранте квадрата 5780/859 (Рис. 11). Она была изготовлена из бежевого камня, вероятно, известняка, и составляла 2,2 см в высоту, с диаметром от 0,95 до 1,06 см (Рис. 13). Продольная перфорация была просверлена с обоих концов и имела слегка коническое поперечное сечение (диаметр отверстия около 2,5 мм). Поскольку вся поверхность печати, особенно ее верхняя часть, была сильно стерта, изображение, высеченное на камне, почти неразлично. Хотя это затрудняет детальную стилистическую оценку, в общем расположении сцены можно узнать образ победителя зверей/полиморфных существ (*heroic encounter*). Хорошо видны задние ноги и тела двух животных или полиморфных существ, расположенных по бокам от победителя, изображенного по центру сцены. Плохая сохранность верхней части сцены не позволяет с уверенностью идентифицировать фигуры и реконструировать позы их голов. Если не считать нижних конечностей, фигура героя едва узнаваема. Между героем и фигурой слева видны следы небольшого вертикального элемента, условно интерпретируемого как штриховой рисунок. Сцену обрамляет высокое схематичное дерево с легкими следами зазубренных краев и своего рода кроной.

К сожалению, контекст печати не способствует ее датировке или тафономии, а плохая сохранность затрудняет любую попытку хронологической интерпретации, особенно при учете давней традиции мотива героя-завоевателя на древнем Востоке. Тем не менее, частое использование этого мотива в ахеменидской глиптике (Garrison/Root 2001: 53–60) и тот факт, что цилиндрическая печать была найдена в пределах поселения, существовавшего одновременно с ахеменидскими постройками в непосредственной окрестности, позволяют с высокой вероятностью отнести эту находку к Ахеменидскому периоду. Найденная печать вполне могла быть связана с соседними ахеменидскими зданиями или, по крайней мере, принадлежать лицу, связанному с административной сетью Гараджемирли. Сильный износ поверхности, однако, предполагает, что печать была в использовании длительное время, так что она могла попасть в отложения спустя много времени после того, как

ахеменидские постройки в Гараджемирли были заброшены, а печать давно потеряла свое первоначальное назначение.

3. Выводы

При раскопках в Дара Ятах были обнаружены остатки поселения, вероятно, связанного со строительством резиденции Ахеменидов в Гараджемирли во второй четверти 5 века до н.э. Это поселение оставалось населенным как минимум до конца 4-го или начала 3-го века до н.э., когда монументальные ахеменидские постройки уже утратили свою первоначальную функцию и постепенно пришли в упадок. Археологические находки в Дара Ятах включают гробницы, одну землянку, а также различные хранилища и ямы для отходов, при этом уровень изначальной поверхности, на которой они были вырыты, не сохранился. На основе анализа обнаруженной керамики можно выделить как минимум три разные хронологические фазы.

Первоначально площадь, по всей вероятности, использовалась как место для захоронений. Керамические сосуды в могиле KG-128 и в двух керамических хранилищах, для которых контекст захоронения также является правдоподобным, показывают связь с иберийскими керамическими коллекциями 5 века до н.э. – начала 4 века до н.э. Вопрос о том, были ли эти захоронения совершены до основания поселения или уже во время его существования, остается открытым. Достоверно установлено, что в какой-то момент поселение расширилось на участок над бывшим могильником, где были вырыты не менее трех глубоких ям для хранения бутылкообразной формы. В случае KG-129 яма-хранилище надрезает части захоронения KG-128, что подтверждает ее более позднюю датировку. Тем не менее керамика, обнаруженная в ее вторичном наполнении, датируется серединой первого тысячелетия до н.э., что указывает на довольно короткий период между этими находками. Захоронение может относиться к начальному периоду прибытия Ахеменидов в Гараджемирли, тогда как в ямах для хранения было обнаружено несколько типичных сосудов ахеменидского периода (в частности, фиалы). Это указывает, что ямы для хранения возникли во время основной фазы присутствия Ахеменидов, связанный с созданием по соседству административного комплекса на Гурбан Тепе.

Раскрашенная в красный цвет керамика, обнаруженная большой яме KG-139/KG-156 позволяет сделать заключение, что поселение просуществовало как минимум до послеахеменидского периода в Гараджемирли. Этот вывод справедлив и по отношению к землянке KG-085, которая использовалась на протяжении всей истории поселения, поскольку в ней были найдены черепки всех временных отрезков, в том числе и относящихся к предшествовавшей местной материальной культуре позднего бронзового и раннего железного веков.

Дополнение

Во время работы над этой статьей скоропостижно скончался мой уважаемый коллега Емиль Искендеров – эта статья посвящается ему. Я также благодарю Александр Горелик за русский перевод и Лачин Мустафаев за рецензию и помощь в подготовке азербайджанского резюме.

Использованная литература

Abbasova 2003

F. Abbasova, Bulaqbaşı abidələri (Bakı 2003)

Babaev/Knauf 2016

I. Babaev – F. S. Knauf, Die achaimenidische Residenz bei Karaçamirli. Ausgrabungen auf dem Gurban Tepe, auf dem Rizvan Tepe und bei Dara Yatax. Vorbericht über die 5., 6. und 7. Kampagne 2010, 2011, 2013, AMIT 48, 2016, 143–188

Babaev et al. 2006

I. Babaev – I. Gagoshidze – F. S. Knauf, Ein Perserbau in Azerbajdzan. Ausgrabung auf dem Ideal Tepe bei Karaçamirli 2006. Erster Vorbericht, AMIT 38, 2006, 291–330

Babayev et al. 2008

İ. A. Babayev – F. Knauss – Y. Qaqoşidze, Azərbaycan, Almaniya və Gürcüstanın birgə beynəlxalq arxeoloji ekspedisiyasının 2006–2007-ci illərdə Şəmkir rayonunun Qaracəmirli kəndində apardığı qazıntıların ilkin nəticələri. İdealtəpədə arxeoloji qazıntılar, in: M. Rəhimova et al. (ed.), Şəmkir: arxeoloji irsi, tarixi və memarlığı (Bakı 2008) 10–30

Babayev et al. 2012

İ. Babayev – Y. Qaqoşidze – F. Knauf – A. Balaxvantsev – E. Ə. İskəndərov – N. Ə. Alışov – F. Gutschke – M. Gütte – G. Wüsten-Leyderwald – Ch. Gentsch – J. Schönweitz, Beynəlxalq Şəmkir-Qaracəmirli Arxeoloji Ekspedisiyasının

- Çöl-Tədqiqat İşləri Haqqında, Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar – Archaeological Researches in Azerbaijan 2011, 2012, 379–385
- Babayev et al. 2015
- İ. A. Babayev – L. X. Mustafayev – S. A. Hüseynov – N. Ə. Alışov – F. S. Knauß – K. Kaniuth – J. Faßbinder – Y. Qaqoşidze – A. Balaxvantsev, *Beynəlxalq Şəmkir-Qaracəmirlə Arxeoloji Ekspedisiyasının Çöl-Tədqiqat İşləri Haqqında, Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2013–2014, 2015, 399–406*
- Babayev et al. 2017
- İ. A. Babayev – K. Kaniuth – M. Gruber – L. X. Mustafayev – Ü. R. Heydərova – F. Babayev, *Beynəlxalq Azərbaycan-Almaniya Şəmkir-Qaracəmirlə Arxeoloji Ekspedisiyasının Çöl-Tədqiqat İşləri Haqqında (2016-ci il), Azərbaycanca arxeoloji tədqiqatlar 2015–2016, 2017, 482–488*
- Bill 2003
- A. Bill, *Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern*, UPA 96 (Bonn 2003)
- Brodbeck-Jucker 2019
- S. Brodbeck-Jucker, *Die Keramik von Udabno und ihre Stellung innerhalb des früheisenzeitlichen Südkaukasus*, UPA 332 (Bonn 2019)
- Furtwängler 1996
- A. E. Furtwängler, *Gumbati. Archäologische Expedition in Kachetien 1994. 1. Vorbericht*, *Eurasia Antiqua* 1, 1996, 177–211
- Furtwängler et al. 1998
- A. E. Furtwängler – F. Knauß – I. Motzenbäcker, *Archäologische Expedition in Kachetien 1997. Ausgrabungen in Şiraki. 4. Vorbericht*, *Eurasia Antiqua* 4, 1998, 309–364
- Furtwängler/Ludwig 2004
- A. E. Furtwängler – N. Ludwig, *Archäologische Expedition in Kachetien 2002. Ausgrabungen in Kvemo Kedi*, *Eurasia Antiqua* 10, 2004, 171–197
- Garrison/Root 2001
- M. B. Garrison – M. C. Root, *Seals on the Persepolis Fortification Tablets I. Images of Heroic Encounter*, OIP 117 (Chicago 2001)
- Knauß 2007
- F. S. Knauß, *Ein Perserbau auf dem Ideal Tepe bei Karaçamirli (Aserbajdschan)*, *ARTA* 2007.002, 1–51
- Knauß et al. 2010
- F. Knauß – I. Gagoshidze – I. Babaev, *A Persian Propylon in Azerbaijan. Excavations at Karacamirli*, in: J. Nieling – E. Rehm (eds.), *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*, BSS 11 (Aarhus 2010) 111–122

Knauß et al. 2013

F. Knauß – I. Gagoshidze – I. Babaev, Karaçamirli: Ein persisches Paradies, ARTA 2013.004, 1–28

Ludwig 2010

N. Ludwig, Ostgeorgische Fundplätze des 1. Jahrtausends v. Chr. – Die Keramik, ZAKSSchriften 20 (Langenweißbach 2010)

Pizchelauri/Mamaiashvili 2004

K. Pizchelauri – N. Mamaiashvili, Die Ausgrabungen der Jahre 1963–1964 in der eisenzeitlichen Metallwerkstatt Kvemo Kedi, Eurasia Antiqua 10, 2004, 147–169

Ахмедов 1954

Г. М. Ахмедов, Об археологических раскопках на одном участке в Мингечауре, Доклады Академии Наук Азербайджанской ССР 10/7, 1954, 507–514

Искендеров et al. 2019

Э. Искендеров – Ф. Кнаусс – К. Каниут, Археологические раскопки Гараджемирлинского комплекса, in: N. Müseyibli (ed.), Azərbaycan arxeologiyasına dair tədqiqatlar. Qoşqar Qoşqarlığının 70 illik yubileyinə həsr olunmuş məqalələr toplusu (Bakı 2019) 115–128

Нариманишвили 1991

Г. Нариманишвили, Керамика Картли V–I вв. до н.э. (Тбилиси 1991)

Нариманов 1960

И. Г. Нариманов, Находки баз колонн V–IV вв. до н. э. в Азербайджане, Советская археология 1960/4, 1960, 162–164

Xülasə

Qaracəmirlidə Dərəyatağı Əhəməni yaşayış yeri

Emil İskəndərov, Martin Gruber

Dərəyatağda aparılan qazıntılar, ehtimal ki, eramızdan əvvəl V əsrin ikinci rübündə Qaracəmirlidə Əhəməni iqamətgahının yaradılması ilə əlaqədar yaranmış və ən azı eramızdan əvvəl IV əsrin sonu və ya III əsrin əvvəllərinə qədər məskunlaşmış yaşayış yerinin qalıqlarını aşkara çıxarmışdır, hansı ki, Əhəmənilərin əsas tikililəri artıq öz ilkin funksiyalarını itirmiş və tədricən yararsız vəziyyətə düşmüşdür. Dərəyatağdakı arxeoloji xüsusiyyətlərə qəbirlər, yarım-qazma evlər, müxtəlif anbar (təsərrüfat quyuları) və zibil quyuları daxildir. Onları saxsı tərkibinə görə ən azı üç müxtəlif xronoloji mərhələyə ayırmaq olar.

İlk əvvəl bu yerin qəbiristanlıq kimi istifadə edildiyi görünür. KG-128 qəbirindən və iki dulusçu emalatxanasından tapılan və qəbir kontekstində inandırıcı ola bilən saxsı qablar eramızdan əvvəl V və IV əsrin əvvəllərinə aid İber saxsı məmulatları ilə əlaqəni göstərir. Bu qəbirlərin yaşayış məskənindən əvvəl olması və ya onun yaranmış olduğu dövrdə dəfn edilməsi açıq sual olaraq qalır. Bununla belə, aydındır ki, nə vaxtsa yaşayış məskəni keçmiş qəbiristanlığın üzərində yayılmışdır və həmin ərazidə ən azı üç dərin şüşə formalı təsərrüfat (anbar) quyusu qazılmışdır. Belə vəziyyətdə KG-129 quyusu qəbir KG-128-in hissələrini kəsərək quyuların daha gec yaranması tarixini təsdiqləyir, baxmayaraq ki, onların ikinci dərəcəli dolmuş keramikası da eramızdan əvvəl I minilliyin ortalarına aid tarixi göstərir. Buna görə də, bu xüsusiyyətlər arasında kifayət qədər qısa bir müddət nəzərə çarpır.

Qəbiristanlıq Əhəmənilərin Qaracəmirliyə gəlişinin ilkin mərhələsini təmsil edə bilərdi. Təsərrüfat quyularında Əhəmənilər dövrünə aid bir neçə tipik qab (xüsusilə də phialai) var idiki, bu da bitişik inzibati kompleks yaradılanda onların Əhəmənilərin mövcudluğunun əsas mərhələsi ilə çağdaş olduğu təəssüratını yaradırdı.

Böyük quyuda (KG-139/KG-156) qırmızı boyalı saxsı məmulatları tapıldığına görə, yaşayış yeri Qaracəmirlidə Əhəməni işğalından sonrakı dövrə qədər mövcud olmuşdur. Bu, yaşayış məntəqəsinin bütün tarixi boyu məskunlaşmış kimi görünən KG-085 yarım-qazma evinə də aiddir, çünki orada bütün mərhələlərin qalıqları, o cümlədən Son Tunc və Erkən Dəmir dövrlərini xatırladan yerli maddi mədəniyyət nümunələri var idi.

Açar sözlər: Azərbaycan, Əhəmənilər, dəmir dövrü, Qaracəmirlidə, Dərəyataq

Summary

Dara Yatax, an Achaemenid settlement at Karacamirli

Emil Iskandarov, Martin Gruber

The excavations at Dara Yatax revealed the remains of a settlement which was founded probably in connection with the establishment of the Achaemenid residence at Karacamirli in the second quarter of the 5th cent. BC and it remained inhabited until at least the late 4th or beginning of the 3rd cent. BC, when the major Achaemenid buildings had already lost their original function and were gradually exposed to decay. The archaeological features at Dara Yatax included burials, a pit-house and various storage and rubbish pits which were all dug from a not preserved level. On the basis of their pottery contents, at least three different chronological stages could be distinguished.

In the beginning the site appears to have been used as a burial ground. The ceramic vessels found in Burial KG-128 and in the two pottery deposits, for which a burial context can also be made plausible, show links to Iberian pottery assemblages of the 5th cent. BC and early 4th cent. BC. If these burials pre-dated the settlement or were interred at the time of its formation, remains an open question. It is, however, clear that at some point the settlement extended over the former burial ground and at least three deep bottle-shaped storage pits were dug in that area. In the case of KG-129, the pit cut through parts of Burial KG-128, confirming the later date of the pits, even though the pottery in their secondary fill also points to a date in the mid-1st millennium BC, implying a rather short period of time between those features. The burial ground might well represent the initial phase of the Achaemenid arrival at Karacamirli, while the storage pits contained several typical vessels of the Achaemenid period (in particular *phialai*), giving the impression that they were contemporary with the main phase of the Achaemenid presence, when the adjacent administrative complex was established.

Judging by the finds of red-painted pottery in the large pit KG-139/KG-156 the settlement continued to exist into the post-Achaemenid occupation at Karacamirli. This also applies to the pit-house KG-085 which appears to have been inhabited throughout the entire history of the settlement, as it contained sherds of all stages, including examples following the local material culture reminiscent of the preceding Late Bronze and Early Iron Age periods.

Key words: Azerbaijan, Achaemenid, Iron Age, Karacamirli, Dara Yatax

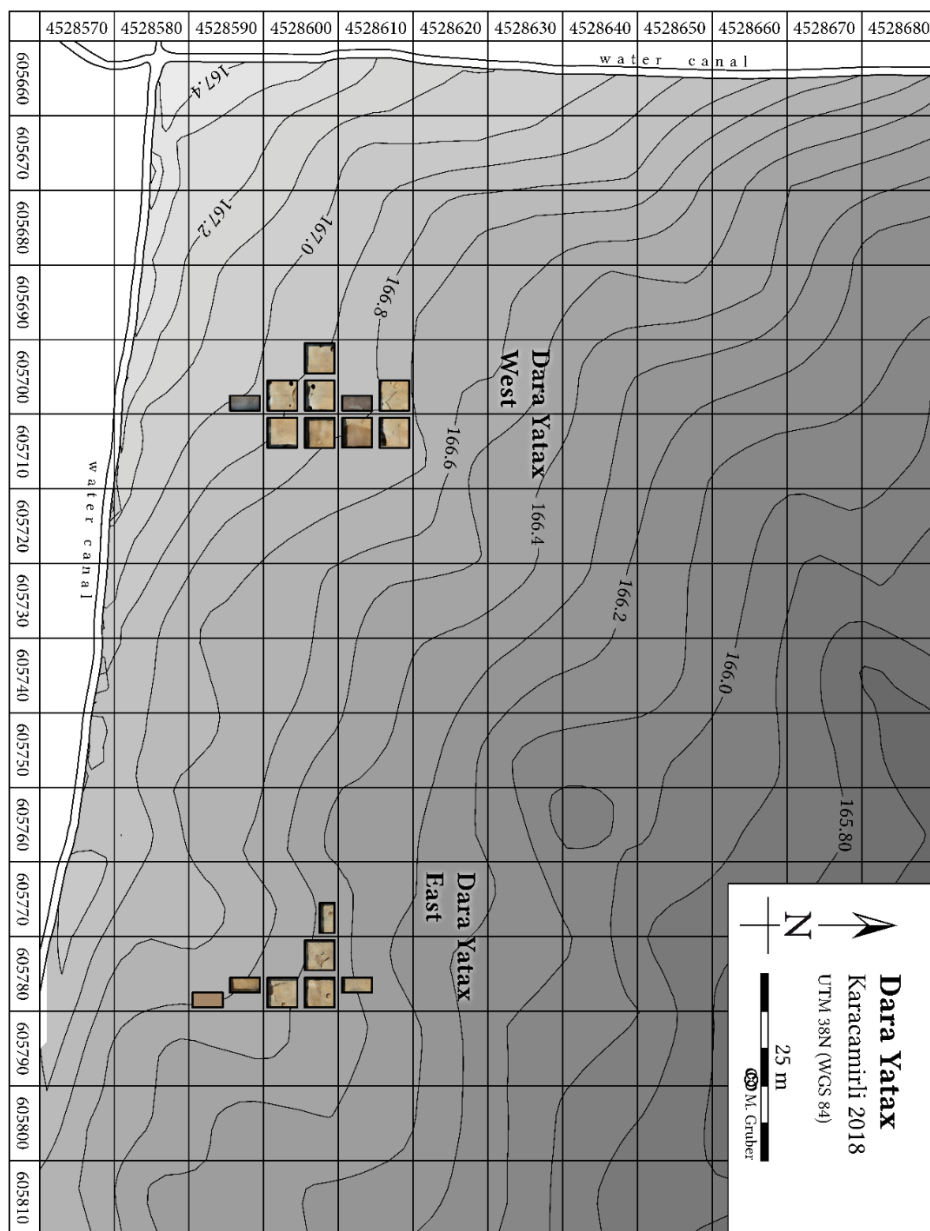

Рис. 1. Топографическая карта Дара Ятах с ортофотографиями раскопанной площади

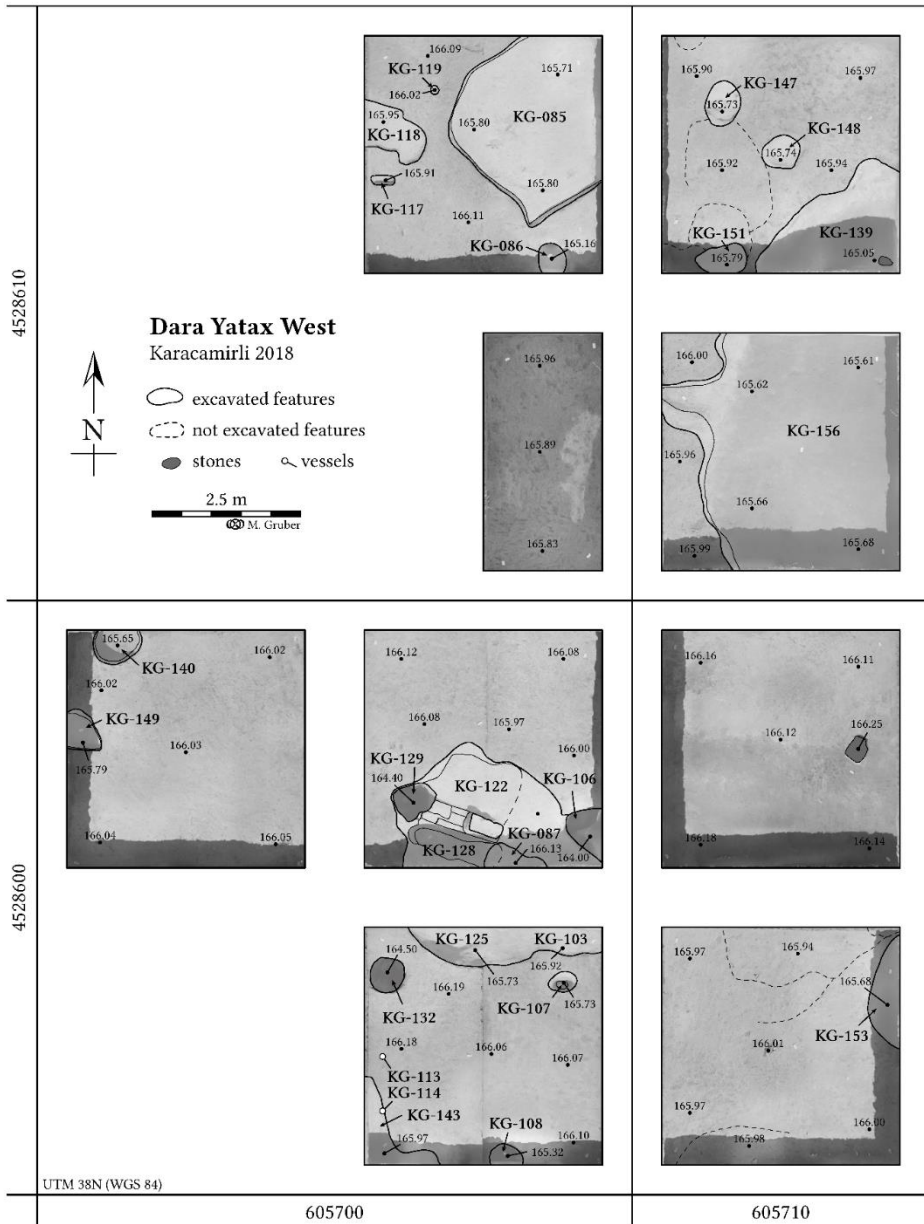

Рис. 2. Западной Дара Ятах

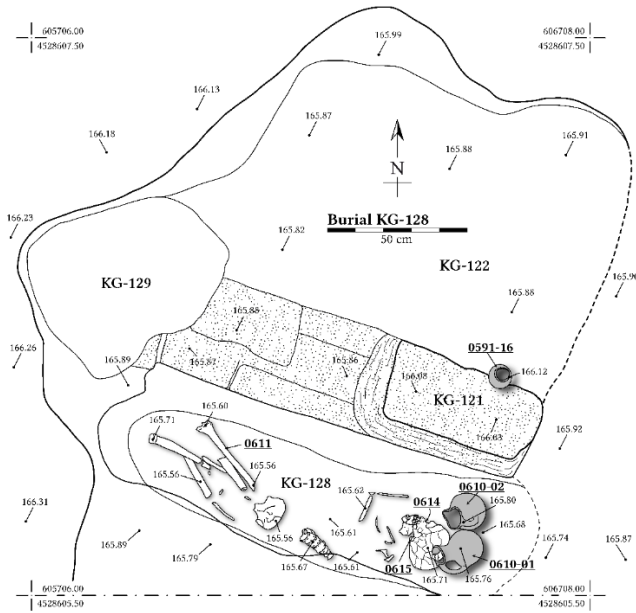

Рис. 3. Схема могилы KG-128

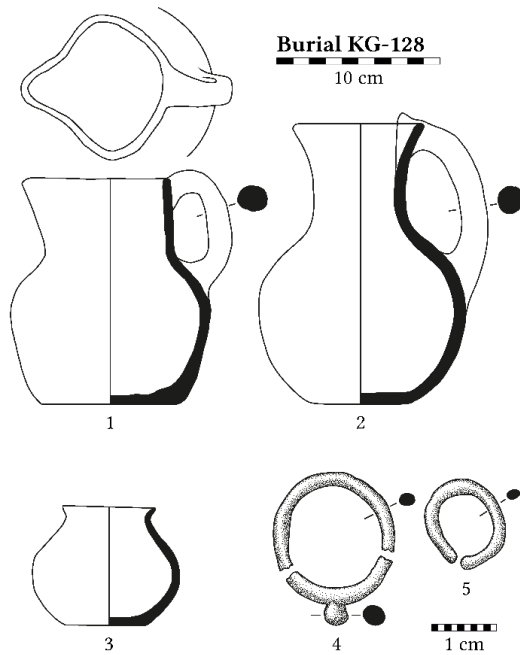

Рис. 4. Керамика и находки могилы KG-128: 1 – Ойнохоя (0610-02); 2 – Кувшин (0610-01); 3 – Банка (0543-01); 4 – Серебряная серьга (0615); 5 – Серьга

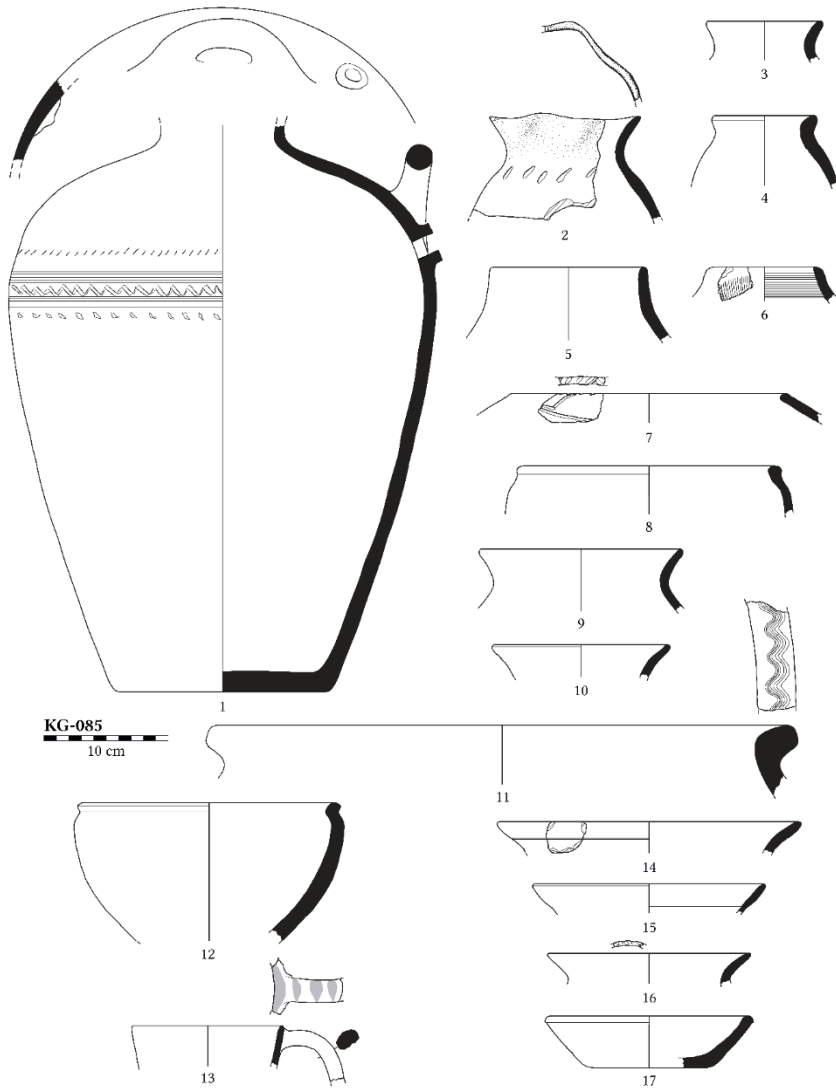

Рис. 5. Керамика из KG-085: 1 – Маслобойка (0532-01); 2 – Ойнохоя (0532-61); 3 – Венец (0532-08); 4 – Венец (0532-60); 5 – Венец (0532-05); 6 – Венец (0532-13); 7 – Горшок (0532-37); 8 – Горшок (0532-04); 9 – Венец (0532-03); 10 – Венец (0532-07); 11 – Пифос (0532-11); 12 – Миска (0532-14); 13 – Чашка (0532-55); 14 – Миска (0532-62); 15 – Миска (0532-64); 16 – Миска (0532-10); 17 – Миска (0532-50)

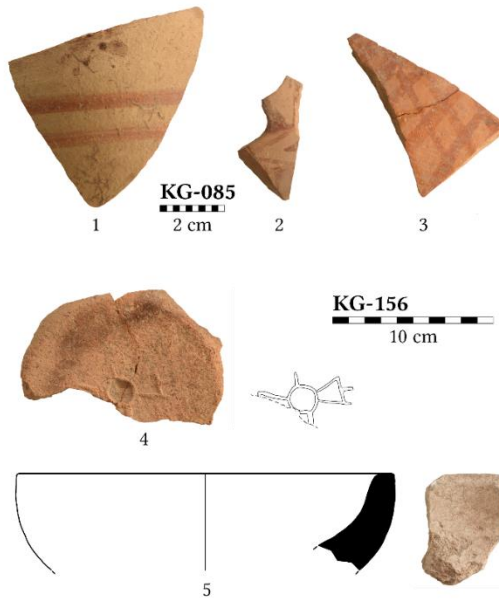

Рис. 6. Керамика из KG-085: 1 – черепок (0532-31); 2 – черепок (0532-32); 3 – черепок (0532-35); Находки из ямы KG-156: 4 – штампованное дно (0683-91); 5 – каменный сосуд (0709)

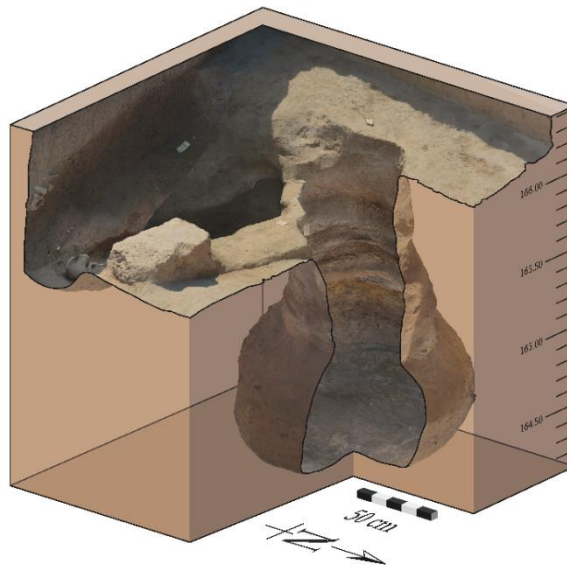

Рис. 7. Изометрический взгляд на погреб KG-129

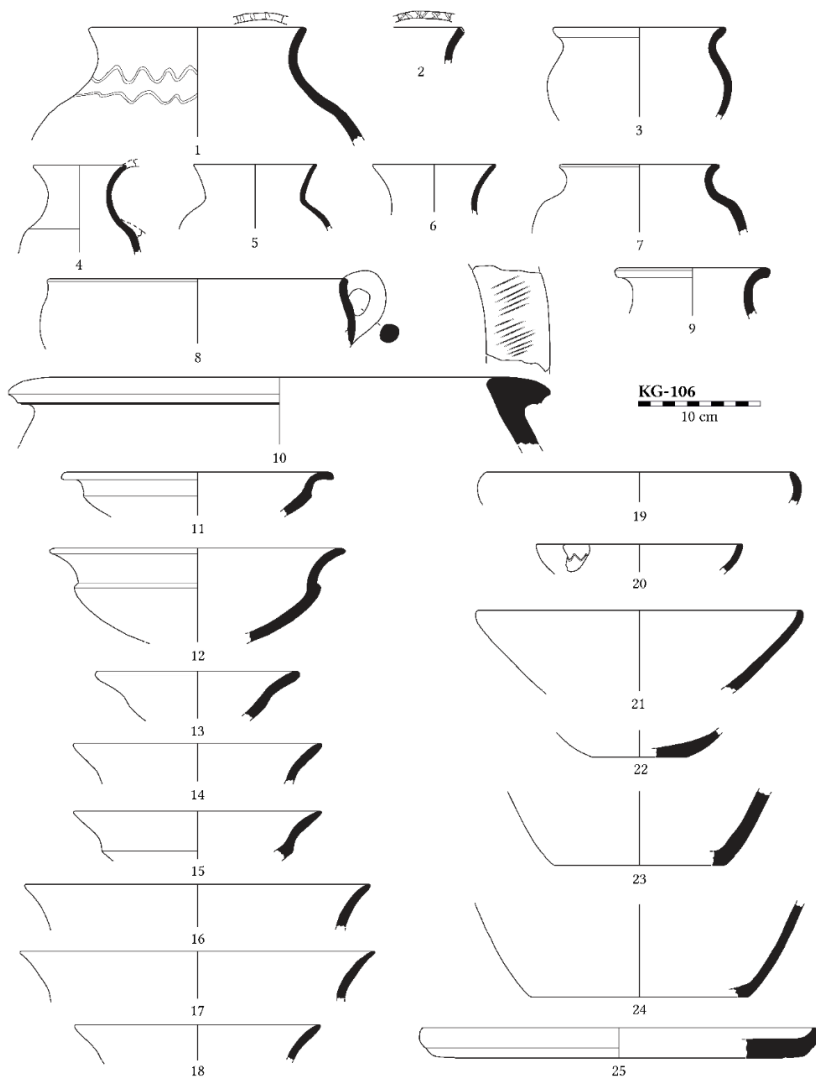

Рис. 8. Керамика из KG-106: 1 – Горшок (0544-73); 2 – Венец (0544-51); 3 – Горшок (0544-46); 4 – jug (0544-37); 5 – Кувшин (0544-39); 6 – Кувшин (0544-41); 7 – Горшок (0544-47); 8 – Банка с ручкой (0544-53); 9 – Венец (0544-42); 10 – Пифос (0544-02); 11 – Миска (0544-38); 12 – Миска (0544-40); 13 – Миска (0544-29); 14 – Миска (0544-30); 15 – Миска (0544-31); 16 – Миска (0544-43); 17 – Миска (0544-45); 18 – Миска (0544-12); 19 – Миска (0544-13); 20 – Миска (0544-01); 21 – Миска (0544-28); 22 – Дно (0544-66); 23 – Дно (0544-67); 24 – Дно (0544-69); 25 – Дно (0544-65)

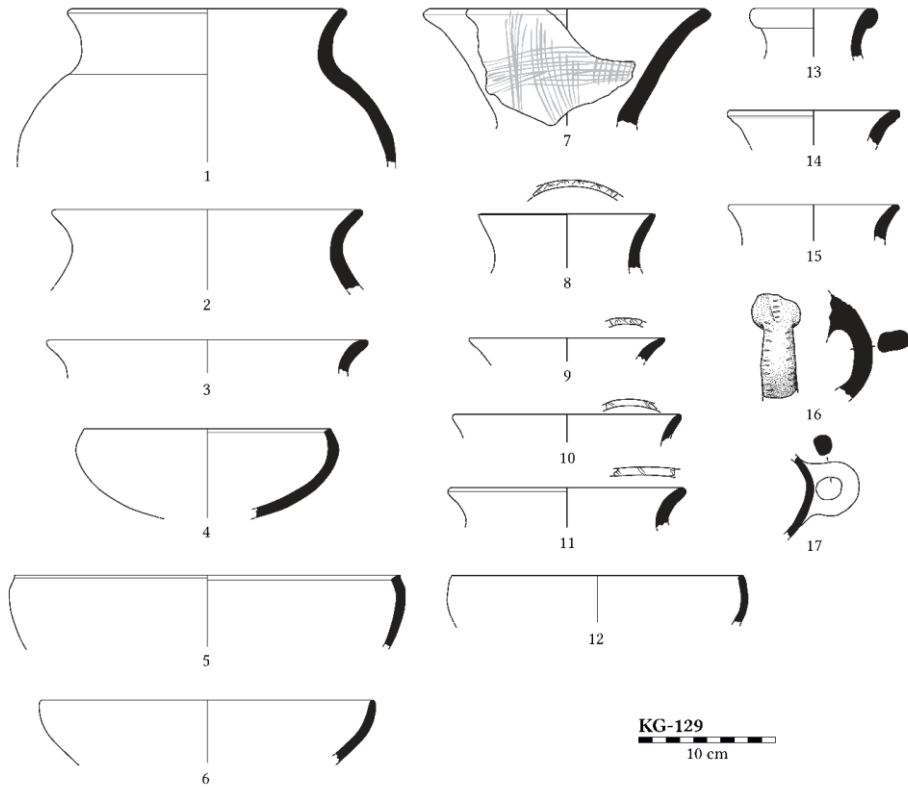

Рис. 9. Керамика из KG-129: 1 – Венец (0612-24); 2 – Венец (0612-43); 3 – Венец (0612-64); 4 – Венец (0612-11); 5 – Венец (0612-08); 6 – Венец (0612-13); 7 – Венец (0612-42); 8 – Венец (0612-25); 9 – Венец (0612-48); 10 – Венец (0612-02); 11 – Венец (0612-10); 12 – Венец (0612-27); 13 – Венец (0612-01); 14 – Венец (0612-26); 15 – Венец (0612-44); 16 – Ручка (0612-23); 17 – Ручка (0612-63)

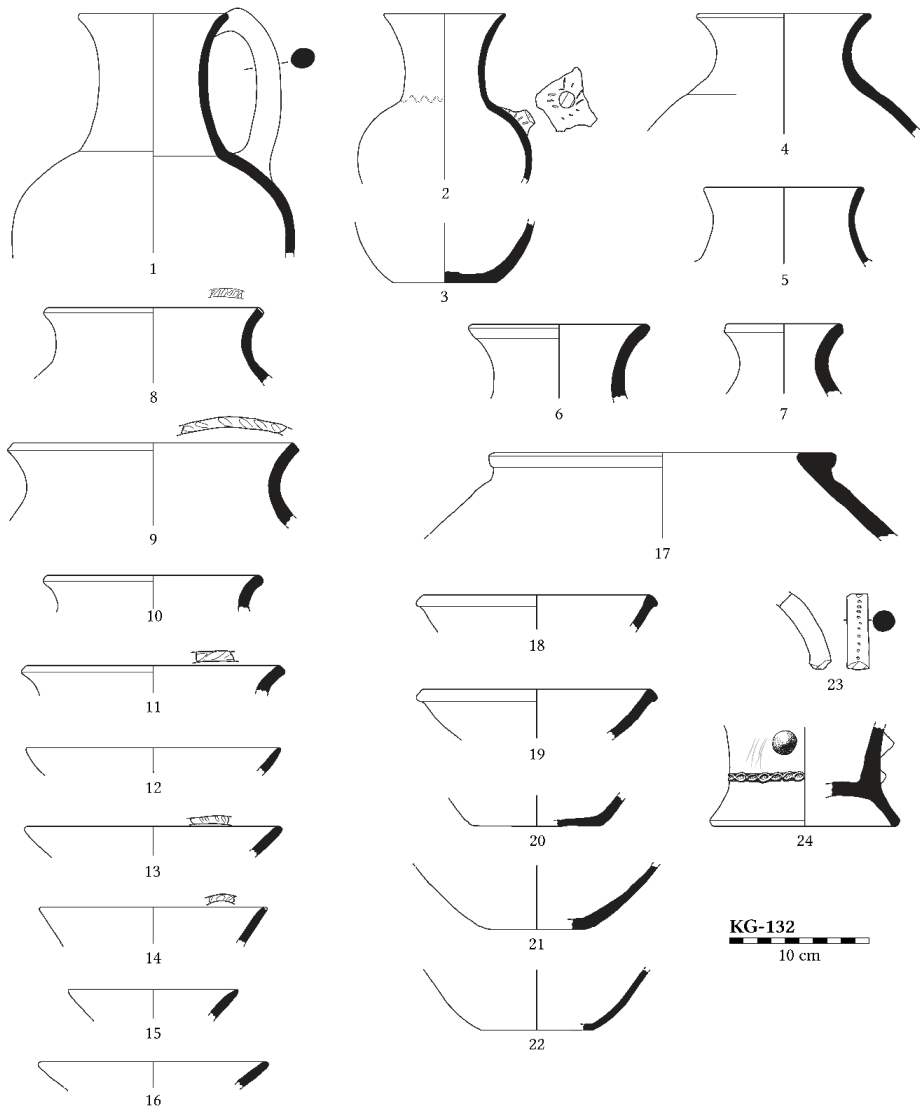

Рис. 10. Керамика из KG-132: 1 – Кувшин (0621-39); 2 – Кувшин (0621-80); 3 – Дно (0621-89);

4 – Венец (0621-40); 5 – Венец (0621-41); 6 – Венец (0621-27); 7 – Венец (0621-14); 8 – Венец (0621-42); 9 – Венец (0621-14); 10 – Венец (0621-04); 11 – Венец (0621-03); 12 – Венец (0621-43); 13 – Венец (0621-02); 14 – Венец (0621-45); 15 – Венец (0621-17); 16 – Венец (0621-18); 17 – Венец (0621-01); 18 – Венец (0621-15); 19 – Венец (0621-16); 20 – Дно (0621-61); 21 – Дно (0621-62); 22 – Дно (0621-64); 23 – Ручка (0621-23); 24 – Дно (0621-65)

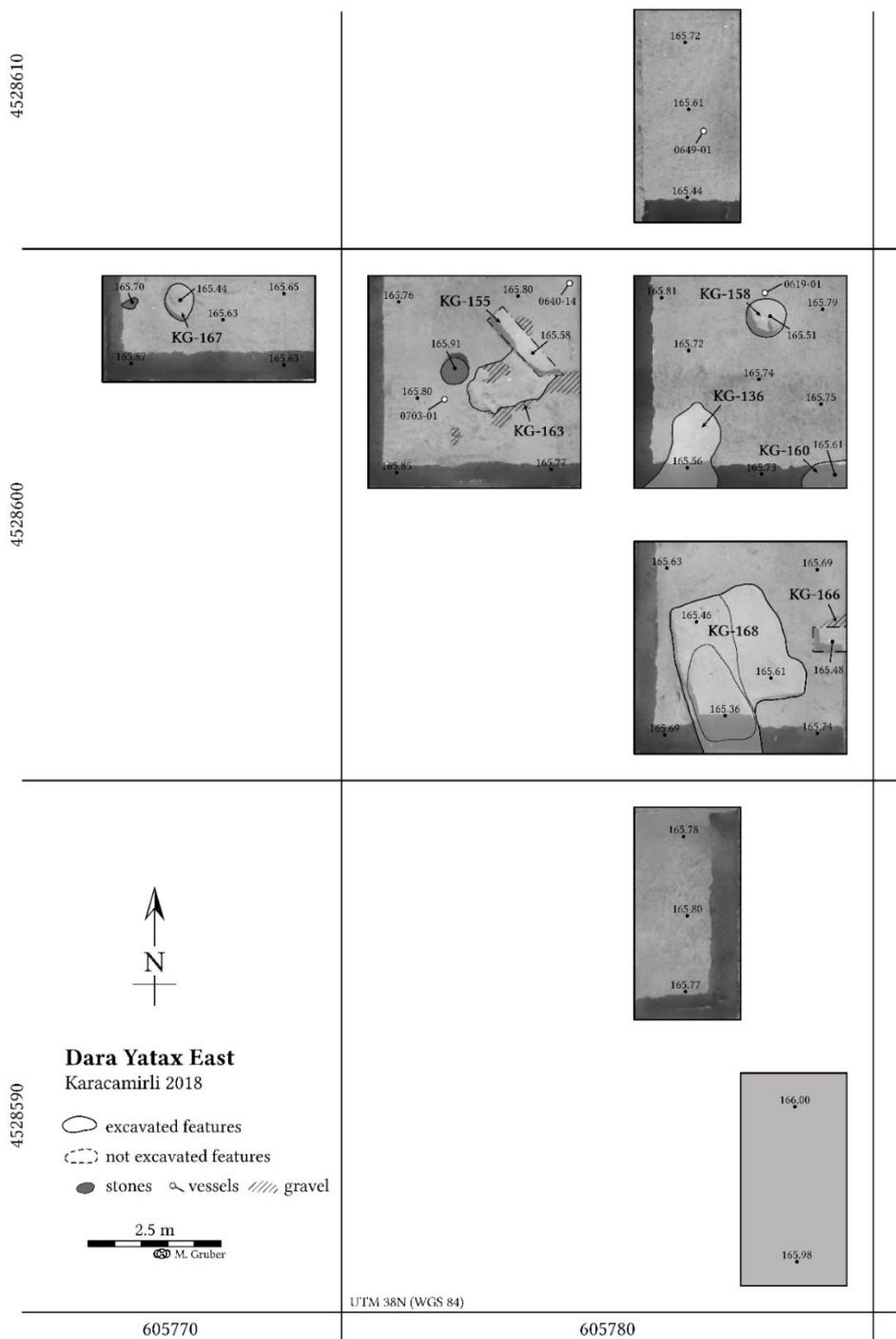

Рис. 11. Восточный Дара Ятах

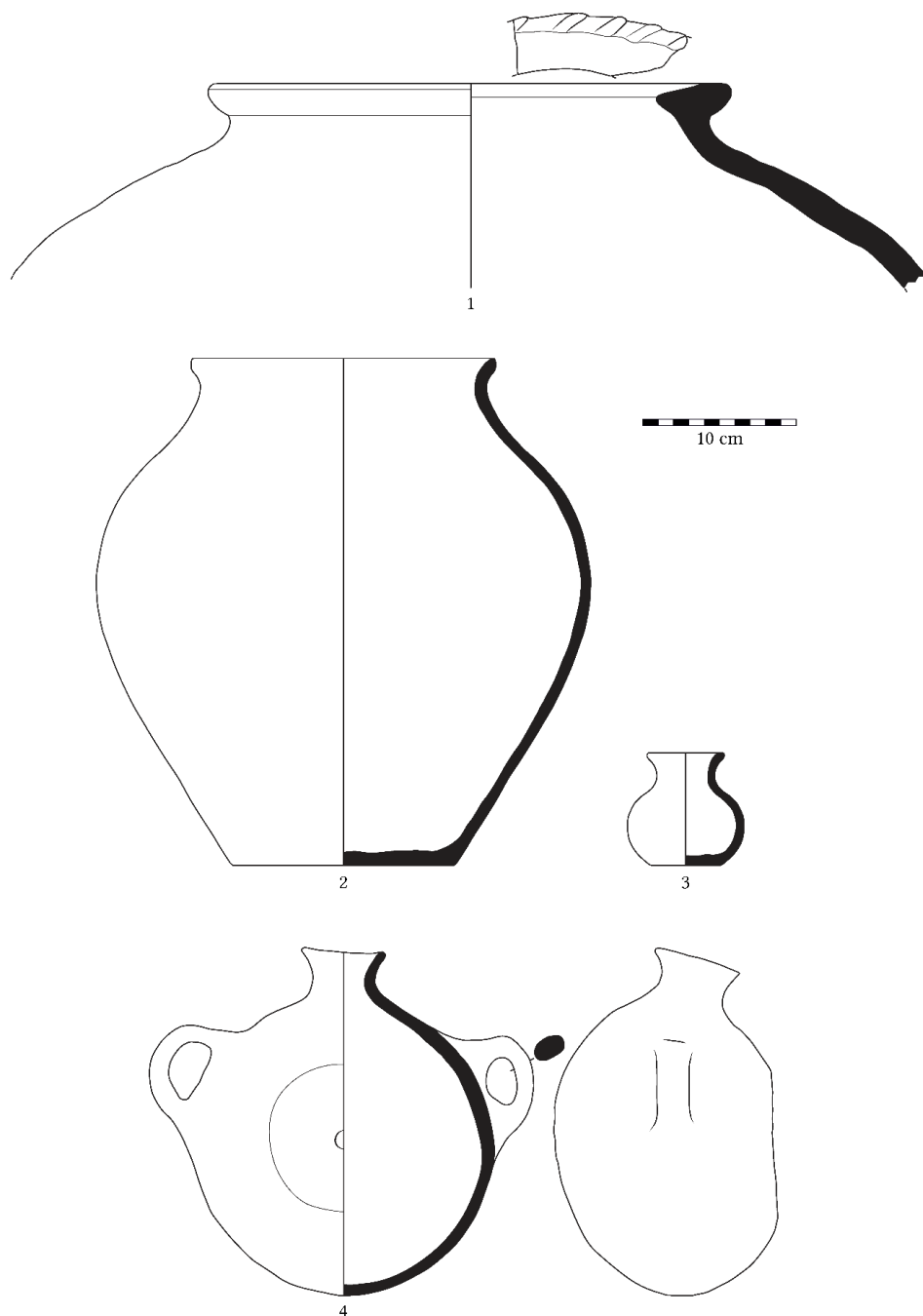

Рис. 12. Различная керамика из восточного Дара Ятах: 1 – Пифос (0671-01); 2 – Горшок (0619-01); 3 – Кувшин (0649-01); 4 – Фляга паломника (0703-01)

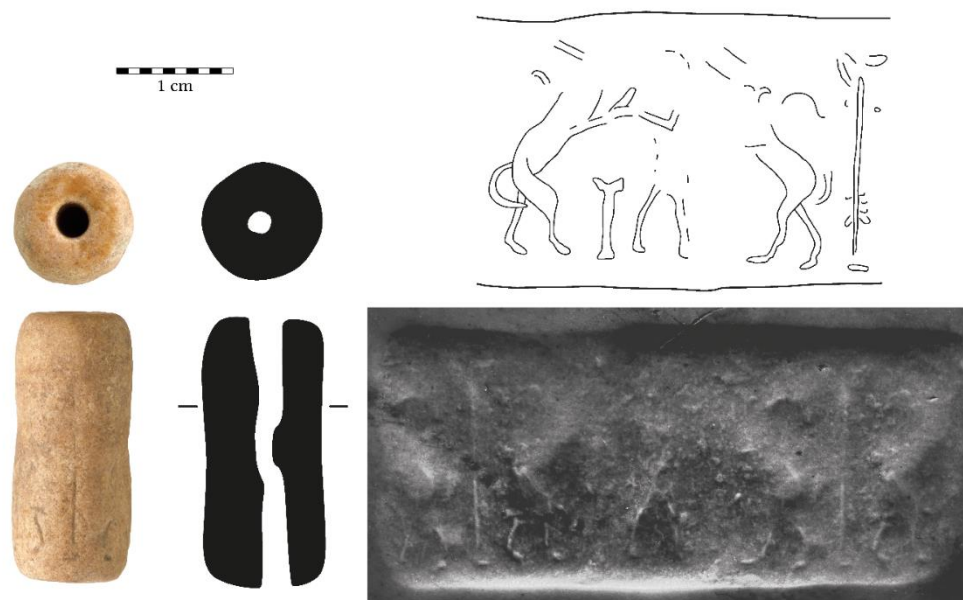

Рис. 13. Цилиндрическая печать (0687)